

Иннокентий Анненский. О современном лиризме

Серия "Литературные памятники"
Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

"ОНИ"

Жасминовые тирсы наших первых менад {1} примахались быстро. Они давно уже опущены и – по всей линии. Отошли и иноземные уставщики оргий. Один – Малларме {2} – умер, и теперь имя его, почти классическое, никого уже не пугает. А другой – Маврикий Метерлинк – успел за это время обзавестись собственной "Монной Ванной", и стилизаторы "Синей птицы" {3} уже не вернут нам его нежных лирных касаний. Три лэстра едва прошло с первого московского игрища {4}, а как далеко звучат они теперь, эти выкликания вновь посвященной менады!

Мертвецы, освещенные газом...
Алая лента на грешной невесте {5}.

"Серебрящиеся ароматы" {6} и "олеандры на льду" {7} – о, время давно уже ^смягчило задор этих несообразностей. А то, что было только книжным при своем появлении, получило для нас теперь почти что обаяние пережитости, Пускай самая короткая из поэм

О, закрой свои бледные ноги! {*} {8}

{* Сравни обещанную немцами "Nordlicht" [северный свет (нем.)] сверхкосмоса – ? – Теодора Деблера толщиной в две Илиады (30 000 стихов) {9}.)

навеевна стихами Малларме –

O la berceuse avec ta fille et l'innocence
De vos pieds froids – {10}

дымка раздражения, которая вокруг нее скопилась, заставляет думать, что в жасминовом тирсе было, пожалуй, и немного крапивы.

Современная менада уже совсем не та, конечно, что была пятнадцать лет назад.

Вячеслав Иванов обучил ее по-гречески. И он же указал этой, более мистической, чем страстной, гиперборейке пределы ее вакхизма.

Бурно ринулась Менада
Словно лань,
Словно лань, –
С сердцем, вспугнутым из персей,
Словно лань,
Словно лань, –
С сердцем, бьющимся, как сокол
Во плену,
Во плену, –
С сердцем яростным, как солнце
Поутру,
Поутру, –
С сердцем жертвенным, как солнце
Вечеру,
Вечеру... {11}

Эти победные кретики {12} четных строк, которые мало-помалу ослабевают в анапесты (во плену, поутру, вечеру) – поистине великолепны. И "Вакханку" охотно декламируют в наши дни с подмостков.

А кто не оценит литературной красоты и даже значительности заключительных строк новой оды с ее изумительным, ее единственным на русском языке не окончанием, а затиханием, даже более – западанием звуков и символов:

Так и ты, встречая бога,
Сердце, стань,
Сердце, стань.
У последнего порога
Сердце, стань,
Сердце, стань.
Жертва, пей из чаши мирной
Тишину,
Тишину...
Смесь вина с глухой смирной
Тишину,
Тишину...

Вам, конечно, чудится здесь символ сознанных сил и власти над настроением. Но мне – бог знает почему – жалко той наспех обученной ритуалу и неискусной в самом экстазе менады, про которую когда-то уверяли, что она видит

Фиолетовые руки
На эмалевой стене {13}.

Эти годы давно канули в вечность, и мы уже не умеем быть дерзкими. В самом вызове мы стали или равнодушны, или педантичны.